

Studia Culturae: Вып. 3 (45): Коммуникация и идентификация в эпоху постреальности: М.Г. Бреслер, А.А. Рабогошвили, А.Р. Сулейманов С. 18-34.

М.Г. БРЕСЛЕР

*Кандидат философских наук, доцент
кафедра Международных отношений, истории и востоковедения
Уфимский государственный нефтяной технический университет.*

А.А. РАБОГОШВИЛИ

*Кандидат исторических наук, доцент
кафедра Международных отношений, истории и востоковедения
Уфимский государственный нефтяной технический университет*

А.Р. СУЛЕЙМАНОВ

*Кандидат политических наук, доцент
кафедра Международных отношений, истории и востоковедения
Уфимский государственный нефтяной технический университет*

УДК 316.3

К ВОПРОСУ О РОЛИ СИМВОЛИЧЕСКОГО В ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ИНФОРМАЦИОННОГО/ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА¹

Трансформация общества в процессе перехода на новую стадию цивилизационного развития сопровождается дихотомическими явлениями. На фоне глобализационных процессов, снижением роли национального, связанного в том числе и с развитием глобальных сетевых цифровых коммуникаций наблюдается резкий рост этнического и религиозного факторов, актуализации исторических символов как элементов идентичности человека и коллективной идентичности нации, страны. Данное явление рассматривается с позиций постмодернизма, где объект прошлого симулируется в субъективное восприятие симулякра в сознании человека современного общества. Мы выступаем с критикой метамодернизма, доказывая символический характер осцилляции. Обращения к прошлому в современности не что иное, как конструирование традиций, ритуалов, обычаев в новых условиях, под воздействием настоящего, то есть симуляция актуальных экономико–политических, социокультурных актуальных процессов. Формирование идентичности рассмотрено как со

¹ Статья составлена по докладу авторов на «Modern Culture and Communication, MCC-2020»

стороны внешнего влияния институтов власти и управления и элиты, так и со стороны адаптации сознания человека, происходящей под влиянием трансформаций общества. Институты власти и управления способствуют созданию и распространению симулякров исторических, этнических, религиозных конструктов. Это позволяет высшим слоям общества формировать требуемую им коллективную идентичность, гомогенизировать общество, утверждая единую символику, единые ценности для всех жителей.

Современный человек, по причинам, рассматриваемых в статье, стремится к множественной идентификации, что обусловлено стремлением к усилению коммуникаций с множеством сообществ, формирующихся на основе общности символов, ценностей, кодов. Испытывая экзистенциальный страх перед цифровым обществом, человек ищет укрытия в образах прошлого, в симуляции стазиса современного ему общества на основе символов истории, религии, этноса. Вторая причина – стремление к вхождению в наибольшее число сообществ, пребывание в которых позволяет усиливать качество и количество коммуникаций, повысить способность к адаптации, снизить уровень риска. Отдельно рассмотрены специфические особенности молодого поколения Z. Родившись с «гаджетом в руке» цифровые аборигены изначально адаптированы в цифровом обществе, а потому их восприятие несколько иное, чем у старшего поколения. Приведенные данные исследования авторов показывают существенные специфические отличия в восприятии ценностей предыдущих эпох у молодого поколения, что позволяет надеяться на ослабление тенденций формирования идентичности на основе архаичных символов в ближайшем будущем.

Ключевые слова: идентичность, символ, символический конструкт, цифровое общество, поколение Z, архаизм, Бодрийяр, Конфуций, коммуникация, коммуникационный капитал, экзистенция, страх, осцилляция, постмодерн.

M.G. BRESLER

*PhD in Philosophy, assistant professor
Department of International Relations, History and Oriental Studies
Ufa State Oil Technical University.*

A.A. RABOGOSHVILI

*Candidate of Historical Sciences, assistant professor
Department of International Relations, History and Oriental Studies
Ufa State Petroleum Technical University*

A.R. SULEIMANOV

*Candidate of Political Science, assistant professor
Department of International Relations, History and Oriental Studies
Ufa State Petroleum Technical University*

TO THE QUESTION ABOUT THE ROLE OF SYMBOLIC IN HUMAN IDENTIFICATION INFORMATION / DIGITAL SOCIETY

The transformation of society during the transition to a new stage of civilizational development is accompanied by dichotomous phenomena. Against the background of globalization processes, a decrease in the role of the national, associated with numbers and the development of global network digital communications, there is a sharp increase in ethnic and religious factors, the actualization of historical symbols as elements of human identity and the collective identity of a nation or country. This phenomenon is considered from the standpoint of postmodernism, where the object of the past is simulated into the subjective perception of a simulacrum in the consciousness of a person in modern society. We criticize metamodernism, proving the symbolic nature of oscillation. The appeal to the past in modernity is nothing but the construction of traditions, rituals, customs in new conditions, under the influence of the present, that is, the simulation of current economic and political, socio-cultural processes. The formation of identity is considered both from the side of the external influence of the institutions of power and management and the elite, and from the side of adaptation of human consciousness that occurs under the influence of the transformations of society. Institutions of power and government contribute to the creation and dissemination of simulacra of historical, ethnic, religious constructs. This allows the upper strata of society to form the collective identity they require, to homogenize society, affirming a single symbolism, common values for all residents. A modern person, for the reasons considered in the article, strives for multiple identification, which is due to the desire to strengthen communication with a multitude of communities that are formed on the basis of a commonality of symbols, values, codes. Experiencing existential fear of a digital society, a person seeks shelter in the images of the past, in the simulation of the stasis of his contemporary society based on the symbols of history, religion, and ethnicity. The second reason is the desire to enter the largest number of communities, staying in which allows you to strengthen the quality and quantity of communications, increase the ability to adapt, and reduce the level of risk. The specific features of the younger generation Z are considered separately. Born with a “gadget in hand”, digital natives are initially adapted in a digital society, and therefore their perception is somewhat different than that of the older generation. The cited research data of the authors shows significant specific differences in the perception of the values of previous eras among the younger generation, which allows us to hope for a weakening of the tendencies for the formation of identity based on archaic symbols in the near future.

Keywords: identity, symbol, symbolic construct, digital society, generation Z, archaism, Baudrillard, Confucius, communication, communication capital, existence, fear, oscillation, postmodern

Актуальность данной статьи обусловлена глобальными разнонаправленными процессами сопровождающими переход человеческого общества на новую стадию цивилизационного развития. С одной стороны — бурное развитие информационно – коммуникационных технологий позво-

ляет создавать и распространять информацию теоретически на неограниченный круг лиц и доступно широким слоям населения большинства развитых стран, что ведет к распространению знаний, повышению доли образованного населения, увеличения числа работников занятых в областях информационной (цифровой) экономики. С другой стороны в человеческом обществе растет интерес к традициям предыдущих стадий цивилизационного развития, прежде всего архаичной и аграрной. Парадоксально, но чем больше развивается информационное/цифровое общество, тем более заметно стремление людей/групп людей к архаичным ценностям ритуалов и обычаев и ценностям символов земли, этноса, религии. На фоне глобализационных процессов, мультикультурализма и секуляризации как объективно существующих социальных процессов в конце XX веков, в начале XXI века происходит обострение этно-религиозных конфликтов. “Арабская весна”, начавшаяся как сугубо гражданское движение, против авторитарных режимов в 2010 году приобретает характер религиозной войны между радикальными этническими, религиозно-политическими организациями фундаменталистского толка и более консервативными, склонными к секуляризму, силами. Первая революция в Египте и Тунисе, гражданская война в Ливии и Сирии были либо инициированы изначально (о чем мы не можем судить определенно, но предполагаем с некоторой долей вероятности), либо активизированы на начальных этапах религиозно-политическими организациями типа “Братья - мусульмане”, “ИГ” (запрещена в Российской Федерации), с требованиями распространения религиозных принципов на светскую жизнь этих стран. Идеи религиозно-патриотических организаций проникли в широкие слои населения, в том числе и в группы высокообразованных молодых людей, обычно придерживающихся атеистических взглядов. [15; С. 128-162]. Консервативный вектор охватывает и Европу. Примерно в то же время в Европе обостряются дессессионные процессы в Шотландии (Великобритания), Валлонии (Бельгия), Каталония (Испания). Конечно, эти процессы имели экономические, политические основания, более глубокие, чем лишь самоопределение этнических групп, но этническая символика играет в них существенную роль. К эпизодам, подтверждающим консервативный в целом вектор глобального развития можно отнести политику, как пришедшего Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента США Дональда Трампа. Несмотря на охлаждение американо-китайских торговых и политических отношений между риторикой обоих лидеров наблюдается определенное сходство. Официальный лозунг Д.Трампа “Make America Great Again” - отсыл к традиционным ценностям перекликается с тезисами “Плана осуществления нравственного строительства граждан в современную эпоху” [16], где раз-

витие ценностей информационного/цифрового общества напрямую увязывается с традиционными ценностями.

Краткий обзор наиболее значимых событий десятилетия указывает на утвердившийся «консервативный» вектор развития политических процессов. При этом данный процесс наблюдается в глобальном масштабе уже более десяти лет, на фоне одномоментно противоположному процессу развития науки и техники, проникновение цифровых технологий в самые широкие слои общества. Не прогнозируемый ранее консервативный, регрессивный уклон требует философского осмысления дихотомии общественной мысли.

Выделяются два подхода, метамодернистский и постмодернистский. Метамодерн, как возврат к прошлому, в его перманентной осцилляции, которую отметили Vermeulen, T., и Van den Akker, R. [18], не столько уравнивает ценности прошлого, настоящего и будущего, сколько возвращает в прошлое. Эта концепция, видимая нами в развитии традиции деструктивного анализа М. Хайдеггера [1], так как осцилляция к прошлому подразумевает деструкцию настоящего в поиске изначального, традиционного, уравнивает символические ценности, с изначальным приоритетом ценностей прошлых эпох. При метамодернистском подходе актуальные события, лишь отсылы к прошлому, тесно связанные с устоявшейся традицией взаимоотношений людей/групп людей. Действительно, при значительном абстрагировании можно представить упомянутые выше события в Северной Африке и Западной Азии как борьбу религиозных сил по созданию «Халифата», аналога бывшего в 8-9 вв. н.э., как утверждается в пропаганде радикальных религиозно-политических организаций.

Можно найти аналог современного события в многотысячелетней истории человечества. Это эффективно для публицистической прозы, но противоречит здравому смыслу. События прошлого имели иные фундаментальные причины, происходили в совершенно иной экономико-политической и социокультурной среде. Аналогия здесь крайне условна и имеет символическую природу. Возврат в прошлое, бывшее когда-то, бытие возможен лишь на символическом уровне. При том что сами символы считываются, дефинируются в полном соответствии с сегодняшними ценностями именно данного человека /группы людей.

Наличие символов предыдущих стадий цивилизационного развития проявляется как у радикальных организаций, стремящихся к дестабилизации, так и у противодействующих им консервативных организаций и институтов, стремящихся к стабилизации общества. В противоречие воззрениям Самуэля П. Хантингтона [14] конфликты XXI века несут не идеологический или цивилизационный, но символический характер. Цивилизационное различие С. Хантингтона, исходящие из посыла О. Шпен-

гера начала XX века, правомерно как некий абстрактный конструкт, допускающий гиперболизацию действительности, в конце XX века еще могло быть соотнесено с реальностью глобальных процессов, при поверхностном анализе событий. Через незначительный, по историческим меркам период времени, в начале XXI века стало очевидно, что цивилизационный детерминизм, также как и религиозный, этнический или технический одномерен. Тогда как сложные разнонаправленные экономические, политические, социальные процессы скорее можно соотнести с потоком, в терминологии Б. Латура [9], где действия множественных акторов приводят к гомеоморфным изменениям в условиях преимущественно сетевой формы коммуникаций с ее вероятностью и неопределенностью. Символы предыдущих стадий цивилизационного развития, включая неопровержимые символы религиозного и/или исторического толка, суть симулякры в терминологии Ж. Бодрийера [4].

С точки зрения Ж. Бодрийера, с которой мы частично согласны, для наблюдателя сегодняшнего дня прошлого просто не было. Он видит прошлое лишь в некоем отраженном виде, в виде материалов научных изысканий и предположений. Как не было и “войны в заливе” [3], и других эпизодов постправды XXI века для существенной части наблюдателей. Понимание прошлого как традиции, как символа актуального, переходящего из прошлого в настоящее было справедливо для XX века. При преобладании линейной формы коммуникаций в межличностной, межгрупповой, массовой etc. коммуникации символическое значение прошлого воспринимается в цельном, формальном виде, обусловленном ценностями общества, и/или государства в целом. Прошлое приобретало субъектность из экзистенциального опыта участия [2] как комплекса образов, полученных из средств массовой информации и иных формальных источников. Формальный конструкт, обусловленный традицией понимания события прошлого, приводил к созданию некоей цельной коллективной идентичности, имеющей ограниченный набор ценностей, отражающих комплекс символов официально принятого образа с незначительной коррекцией личного восприятия части коллектива. Чем больше времени проходит от крупного исторического события, тем меньше вероятность личного восприятия как результата участия, наблюдения, либо межличностной коммуникации с участником/очевидцем былого события.

Для примера рассмотрим крупнейшее историческое событие начала XX века, а именно революцию 1917 г. Великая Октябрьская социалистическая революция стала точкой бифуркации событий определивших развитие России и всего мира. Существенное влияние определяется и в настоящее время. Но это влияние не собственно события, произошедшего более ста

лет назад, не объект, но именно симулякр, воспринимаемый через восприятие множества участников сетевого взаимодействия. Отсутствие очевидцев заменяет объективную реальность симулятивной реальностью [6]. Формирование образа прошлого происходит под влиянием множества акторно-сетевых коммуникаций, количество которых лавинообразно умножается с развитием информационно-коммуникационных технологий XXI века. Отсутствие опыта участия заменяет существовавшие некогда символы симулякром, который в мире информационного/цифрового общества развиртуализируется, становится зримым, оказывающим влияние на восприятие актуальных событий в экономике, политике, социуме [5]. В этом один из факторов силы символа исторического, этнического, религиозного, становящегося существенным при формировании идентичности человека XXI века.

В современном обществе превалирует симуляция прошлого, но при объективном анализе отмечается и осцилляция. Однако, по нашему мнению, природа осцилляции несколько иная, чем в представлении метамодерна.

Перемены, вызванные глубинной трансформацией общественных институтов информационного/цифрового общества, вызывают ответную реакцию общественного сознания в форме возврата к символам прошлого. Некого симулякра «золотого века» воспринимаемого, по мнению А. А. Мишучкова, как «непреходящий общественный идеал в совокупности образцов жизнеустройства и поведения, к которому стремится все общество» [11]. Однако, мы не можем согласиться с этим суждением, так современное общество не является более однородной массой, каким представлялось в середине XX.

По нашему мнению, объективную реальность сегодняшнего дня отражает суждение Питирима Сорокина: «ни одна из доминирующих объективных ценностей, будь то норма или идеал, не может быть воспринята всеми субъектами в качестве бесспорной и всецело приемлемой: всегда были, есть и будут самые разные альтернативные ценности» [13].

Формирование идентичности институтами государства

Институты власти и управления стремятся к созданию превалирующей общей идентичности, связанной с лояльностью граждан и территории государства и самим институтам. В этом аспекте наиболее перспективным представляется выдвигание ценностей предыдущих эпох, связанных с прошлым. Симулякр прошлого неоспорим, так как не имеет сегодня сущности, прообраза, но лишь существование в сознании *ad hoc*. Симулякр становится «зримым», «ощутимым» для общества в целом, как для сторон-

ников, так и для противников идей, ценность которых возрастает по мере развиртуализации в сетевом информационном взаимодействии людей/групп людей. То, что с внешней точки зрения может считаться ничтожным, с конвенциональной точки зрения сетевого сообщества приобретает существенную ценность, величина которой зависит от самого сообщества.

Отсюда институтам власти и управления возможно придать гипертрофированную ценность мифологизированным символам прошлого в информационном/цифровом обществе. Бывшие некогда реальными события человеческой жизни, в том числе связанные с этногенезом или принятием религии большей частью людей, живущих на данной территории, неизменно мифологизируются в сознании человека и общества в целом. Образ наблюдаемого факта проецируется на былое, а события прошлого экстраполируются на символический образ настоящего. Однако символическое восприятие былого актуализируется и развиртуализируется при сетевом взаимодействии множества акторов. Акторно-сетевая коммуникация создает, развивая идею Ж. Бодрийера, из объекта, «которого не было», объект который «был всегда». При этом само объективно существующие происхождение материальной основы объекта-символа можно адаптировать, мифологизировать, конструировать под нужды и желания авторов символа. Этим объясняется явление актуализации исторического конструкта, выделение части социальных процессов былого, соизмеримых с ценностями современного общества, как традиции. Традиция позиционируется в настоящее время как нечто неизменное, обладающее сакральной ценностью. Первоначальные идеи, заложенные в символ в период его формирования, уступают место символу–знаку, имеющему актуальное значение для набора актуальных для данного сообщества ценностей. В этом существенное отличие современной дефиниции понятия «традиция» от исходного данного Конфуцием тождества «ритуала – традиции», как многократно апробированного оптимального действия и «закона», как формального закрепления оптимума во взаимосвязи с гуманизмом. «Закон исходит из ритуала, ритуал исходит из человеколюбия» [8]. Иное значение приобретает и основа ритуала по Конфуцию - поиск истинных имен (正名 zhèngmíng) или, в духе постмодерна, закрепленных за символом единственных значений. Две тысячи пятьсот лет назад Конфуций считал первоочередным для властителя дать имена /значения для существующих символов/слов. В современном обществе это так же актуально, как и в древнем. Закрепляя за историческими, этническими или религиозными символами необходимое значение, власть формирует коллективную идентичность общества, но в то же время и общество активно участвует в установлении значения символов. Влияние

общества на этот процесс существенно возрастает с появлением цифровых технологий. Отсюда классическое определение можно перефразировать как «ритуал – традиция, которая вытекает из закона». Но сам закон, установленный властью, лишь часть информационного потока, выражающего ценности существенной части групп общества. В рамках сетевой логики этот закон, как часть регламентации, эластичные стены коридора общества контроля Ж. Делеза, поддерживается во многом созданным и развиртуализованным симулякр «традиции» как основы ритуала, принимаемый большей частью членов сетевого сообщества. Опора высших классов общества на национальные/религиозные и исторические/цивилизационные ценности имеет цель создания коммуникационной сферы, охватывающей большинство общества, считающего себя принадлежащим к данному этносу/нации/религии, причисляющего себя к данной цивилизации. Имея такую гомогенную идентичность, среди населения появляется возможность упростить коммуникационные коды до простых, неопровержимых символов, чьё приоритетное положение не нуждается в дополнительной аргументации. Формулу идентичности можно сформулировать как симулякр «Мы».

«Мы всегда были лучше чем... (то есть неким сообществом, превосходящим иных в чем либо, иногда с персонификацией иных)». Упрощение симулякра до символа/мема позволяет эффективно распространять его как внутри сообщества, так и вне его. Институты власти и управления, стремясь упрочить лидирующее положение, формируют сетевые сообщества на основе символов идентичности. Но аналогичные сообщества формируют и оппозиционные власти, организации радикального толка. Для победы в конкурентной борьбе институтам надо либо радикализировать свою риторику, либо примириться с лидерством экстремистов. Что до отдельных людей, то им выступать против предлагаемой идентичности крайне сложно. В развиртуализуемом симулякре содержатся символы, которые человек либо должен соизмерить с собой, либо отказаться от части ценностей вовсе, что подразумевает отказ от происхождения или конфессии, являющихся частью Я. Но для публичной идентификации Я в сетевом сообществе человеку нужно преодолеть свой экзистенциальный страх перед возможной потерей места, статуса в сообществе.

Идентичность, формируемая обществом и человеком

Резкий рост доли симулякров ценностей архаичного и аграрного общества в комплексе ценностей, а, следовательно, и в формировании идентичности людей информационного/цифрового общества нельзя объяснить лишь следствием влияния высших классов. Этому способствуют и

социальные процессы, происходящие в настоящее время. После бурного начала этапа становления информационного/цифрового общества вначале XXI века к 2010-м годам заметно стремление к замедлению технологического прогресса. Новый мир цифровых технологий стал причиной экзистенциального страха. Чувство перемен, необходимость адаптации к новым условиям существования создает среду для символизации прошлого. В этих условиях человек стремится усилить информационный обмен, создавать коммуникацию с подобными ему, близкими по ценностям, людьми. Приобщение к племени (ретроградное движение от общества к общине), новый трайбализм, явление, которое предсказал Г. М. Маклюэн [10], дает человеку не только симулякр безопасности, при условии соблюдения сложившейся традиции сообщества, но и рост личного коммуникационного капитала [12], то есть рост качества и количества коммуникационных связей человека. Укоренение в сообществе не требует полного слияния, достаточно сходства признаков поведения в публичной сфере, внешнего вида, использования определенных жестов, периодического участия в коллективных мероприятиях. Символизация религиозной, этнической идентичности упрощает трайбализацию, а наличие явных символов позволяет повысить эффективность формирования сообществ, усилить динамику информационного обмена. Так как именно сходство ценностей, символов, возникающих при этом общих коммуникационных кодов, является необходимым условием для создания и развития коммуникаций, формирования сетевого сообщества - кластера. Широкое распространение трайбализации не несет само по себе конструктивного или деструктивного начала. Это - данность, обусловленная распространением сетевой формы коммуникаций. Стремление к противодействию или к взаимодействию проявляется в коммуникациях данного сообщества с иными, с социумом в целом. Укоренение в сообществе позволяет человеку использовать сетевую солидарность как новый вид солидарности, возникающий именно при сетевой форме взаимодействия. Сетевая солидарность позволяет получать разнообразную, в том числе и материальную помощь и поддержку от других членов сообщества, что в целом способствует самовоспроизводству коммуникаций как данного сообщества, так и общества в целом. В этом причина трайбализации, и это же один из важнейших факторов укрепления в качестве основы формирования идентичности наиболее универсальных социокультурных символов. Признание ценности этнического, религиозного, исторического симулякра позволяет человеку идентифицировать себя как члена определенного сообщества, но и отграничить от иных людей. Иного этноса религии или "исторической памяти". В этом аспекте мы можем согласиться с Е.Ю.Бикметовым и А.В.Лукьяновым, отметившим, что

“структура человеческой экзистенции обусловлена коммуникативными связями” [2; С. 49], то есть симулякр этноса или иного подобного символа усиливается и возрастает благодаря сетевому взаимодействию, мультипликацией множественной ретенции участников сетевых сообществ.

Методика исследования и результаты

Современное общество живет в «осевое время», когда будущее представляется нам совершенно неопределенным, настоящее нестабильным и лишь прошлое, симулированное в нашем сознании как некое «золотое время» становится образцом и целью существования. Отсюда формирование комплекса символов, основанного на архаичных ценностях, определяющих идентичность человека и общества. Усиление их роли в формировании ценностей, определяющих идентичность человека XXI века, обусловлено, с одной стороны, бурным развитием информационно-коммуникационных технологий, позволяющих создавать и распространять информацию, создавать и развивать коммуникации с немыслимой доселе скоростью и эффективностью, а, с другой стороны, страхом перед необходимостью адаптации к глубокой трансформации общества и кризисам в экономической, политической, социальной сферах, которые сопутствуют этой трансформации. Отмечая эти факторы, мы говорим о наших современниках в целом, абстрагируясь от специфической разницы поколений. Действительно, большинству людей необходима адаптация, но уже формируется поколение, которое изначально растет и развивается в информационной/цифровой среде. Важность этого поколения связана не столько со знаковой сменой тысячелетий, но с пришедшийся на это время этап становления информационного /цифрового общества. Поколение Z, родившееся в конце XX - начале XXI века, родилось с «гаджетом в руке» - «цифровые аборигены», в терминологии Марка Пренски [17]. Авторы приняли активное участие в исследовании поколения Z, результаты которого полностью представлены в коллективной монографии «Голос поколения Z из сердца Евразии» [7], в комплексе исследования которых рассматривались и вопросы идентичности. В анкетах, среди прочих, респондентам предлагалась ответить на вопросы:

№1 «Какие ценности, на Ваш взгляд, являются наиболее важными в жизни человека?»;

№2 «Какие ценности, на Ваш взгляд, являются приоритетными (базовыми) для современной России?».

Авторы сознательно разделили ценности на индивидуальные и коллективные, не отграничивая ценности сообществ, организаций, институтов и общества в целом. Предварительно проведенная серия «фокус-групп»

показала распространенное среди молодых людей мнение о жестком разграничении «цифрового» и «доцифрового» мира. Респонденты определяли свое личное восприятие ценностей как сходное с коллективным восприятием внутри своего сообщества, а восприятие ценностей общества - как формируемое воздействие организаций и институтов, внешнее воздействие. С некоторой долей условности, используя распространенную в публицистике терминологию, можно представить восприятие молодыми людьми из поколения Z ценностей человека как ценностей цифровых социальных медиа, а ценностей общества - как ценностей, транслируемых доцифровыми масс медиа. Отметим, что речь здесь идет не столько о технологиях, как о самом механизме создания информационного продукта и структуре коммуникаций социальных и масс-медиа. Именно с учетом этого на фокус-группах были отобраны ценности «человека» и «общества». Далее эти вопросы были включены в упомянутую выше анкету. Участники могли выбрать один или несколько ответов.

Результаты представлены на Рис. 1 и Рис.2 [7; С. 27].

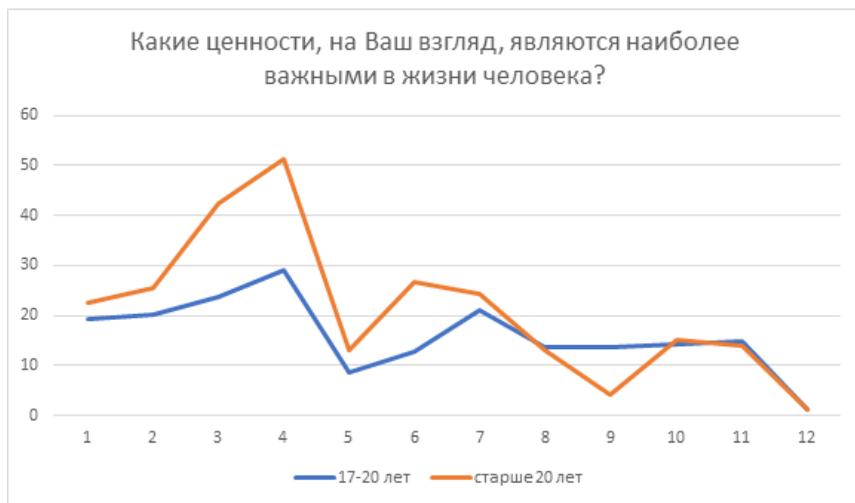

Рис. 1 [7; С. 27] Варианты ответов: 1. Историческая память. 2. Справедливость. 3 Семейное счастье. 4. Здоровье. 5. Патриотизм. 6. Безопасность. 7. Личная свобода и независимость. 8.Верные друзья. 9. Слава и признание. 10 Настоящая любовь. 11.Карьера и финансовый достаток. 12. Затрудняюсь ответить

Рис. 2 [7; С. 27] Варианты ответов: 1. Великая история. 2. Патриотизм. 3. Глобализация. 4. Справедливость. 5. Независимость. 6. Демократия. 7. Солидарность. 8. Связь поколений. 9. Цифровое общество. 10. Мир без границ. 11. Самобытность. 12. Затрудняюсь ответить

Результаты исследования и дискуссия

При анализе графиков распределения ответов респондентов обращает на себя внимание снижение амплитуды долей ответов респондентов поколения Z, в отличие от старшего поколения. Распределение долей ответов участников возраста 17-20 лет колеблется в пределах 12-27%, тогда как у участников старше 20 лет - от 8 до 47%. По нашему мнению, это результат множества разделяемых человеком современного общества ценностей, обеспечивающих пребывание человека во множестве сообществ одновременно, в отличие от ценностного детерминизма, разделения групп с различием идентичности приверженцев различных ценностей у старших поколений общества.

В долях от общего числа ответов у всех респондентов ведущее место занимает ценность «4. здоровье», что характерно для 2020 года, когда на фоне пандемии Covid19 тема защиты здоровья занимало существенную часть информационного пространства. Связанная с ценностью «4. здоровье», ценность «3. семейное счастье» на втором месте.

Что касается ценностей «исторической памяти», «патриотизма», а также некоторых ценностей индустриального общества, таких как «безопасность», «финансовый достаток» и др., то они занимают средний слой рейтинга ценностей.

Оценка ценностей транслируемых общества у поколения Z более прагматична, чем у старшего поколения. Приоритет ценности «демократия», что требует личного выбора человека, над ценностью «справедливость» подразумевающую скорее выбор институтов общества, включая институты власти и управления. Респонденты считают, что общество, прежде всего в лице институтов власти и управления, в большей степени разделяют ценности «1. великая история», «2. Патриотизм», «8. связь поколений», чем ценности «3. Глобализации», «9. цифровое общество», «10. мир без границ». Судя по анализу результатов ответов, респонденты, особенно представители поколения Z, знают, об усилиях институтов власти и управления в продвижении исторических и, в целом, консервативных ценностей.

Заключение и дискуссия

1. Общий подъем в иерархии ценностей предыдущих стадий человеческого развития (архаичной, аграрной, индустриальной эпохи) связан не с осцилляцией, как духовного возврата к прошлому, но с симуляцией образов прошлого, формированием исторического, этнического и религиозного симулякров.

2. Симуляционный характер формирования позволяет институтам власти и управления, элите общества в целом, формировать коллективную идентичность на основе исторического, этнического, религиозного контекстов.

3. В период становления информационного/цифрового общества человек сталкивается с необходимостью адаптации к новым условиям, испытывает «футурошок», в терминологии Э. Тоффлера, что способствует обращению к ценностям прошлого, а также стимулирует «новый трайбализм». Самоидентификация с наиболее крупным сообществом придает ощущение стабильности и защищенности от воздействия чужеродной новой среды.

4. Человек современного общества испытывает экзистенциальный страх перед формирующейся цифровой средой. Неопределенность будущего, неудовлетворенность настоящим и идеализация прошлого влекут человеческое общество к архаичным символам.

Но новое поколение, которое считают цифровую среду естественной, уже лишено этого страха. Прошлое для них не образец для создания будущего, но предмет изучения, анализа, синтеза фактов, позволяющих понимать механизм формирования настоящего. Приоритетом для поколения Z являются не массовые ценности, транслируемые институтами обще-

ства, но ценности индивидуального сетевого взаимодействия, направленные на построение будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов Михаил Алексеевич Время и деструкция трансцендентальной философии в фундаментальной онтологии Хайдеггера // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2007. №2-3. С. 1-23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremya-i-destruktsiya-transtsendentalnoy-filosofii-v-fundamentalnoy-ontologii-haydeggera-1> (дата обращения: 04.11.2020).
2. Бикметов Е. Ю., Лукьянов А. В. Структура человеческой экзистенции в условиях современного российского общества: новые контексты и контуры социальной идентификации // Манускрипт.2017.№1(75).С.48-51 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-chelovecheskoj-ekzistentsii-v-usloviyah-sovremenno-go-rossijskogo-obschestva-novye-konteksty-i-kontury-sotsialnoy>
3. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. – М.: РИПОЛ классик, 2016. — 224 с.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция/Жан Бодрийяр. Пер. с франц. Качалов А. – М.: Постум, 2018. – 240 с.
5. Бреслер М.Г. Онтология сетевого бытия. - Уфа: УГНТУ, 2020. - 124 с.
6. Бреслер М.Г. Симулякр революции 100 лет спустя. //Великий Октябрь – время перемен. Сборник научных докладов Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Октябрьской революции и 100-летию образования БАССР. Салихов Г.Г., Белоногов Г.Е., отв. ред., Уфа. 2018. С. 23-25.
7. Голос поколения Z. из сердца Евразии : коллективная монография, /под. ред. А.Р. Сулейманова. - Уфа: УГНТУ. 2020. -180 с.
8. Конфуций. Суждения и беседы. Лунь Юй /Переводчик: Лукьянов А. Е., Абраменко В. П.. Редактор: Ширяева Наталья. – М.: Издательство: Шанс, 2019 г. 423 с.
9. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию/Бруно Латур. Пер. с англ. под науч. ред. С. Гавриленко. – М.: Изддом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
10. Маклюэн Г. М. Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего. /Маклюэн Герберт Маршалл. Переводчик: Тюрина Ирина Олеговна. – М.: Издательство: Академический проект, 2018 г. -440 с.
11. Мишучков А. А. "Традиционные ценности в глобализирующемся мире" Вестник Оренбургского государственного университета, 2015.№ 3 (178), С. 65-71.
12. Мурзагулов Р.Р. Цифровое общество середины XXI в. Как новый этап цивилизационного развития. Социально-философский анализ. М.:РАНХиГС, 2018. -75 с.
13. Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 427–504.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимева. Ю. Новикова. — М: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603 с
15. Цирель С. В. Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах //Системный мониторинг глобальных и региональных= рисков : Арабская весна 2011 г. /Отв. секретарь А.В. Коротаев. Ю.В. Зинькина, А.С. Ходунов, -М.: Издательство ЛКИ, 212. - 414с.
16. 新时代公民道德建设实施纲要//中共中央国务院印发《新时代公民道德建设实施纲要》, 2019. URL: http://www.xinhuanet.com/2019-10/27/c_1125158665.htm

17. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon - MCB University Press, 2001.Vol. 9 No. 5.URL: <https://marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>
18. Vermeulen, T., Van den Akker, R. Notes on metamodernism //Journal of Aesthetics & Culture, 2010 V. 2, 2-14 p. URL: <http://www.emerymartin.net/FE503/Week10/Notes%20on%20Metamodernism.pdf>

TRANSLIT

1. Belousov Mikhail Alekseyevich Vremya i destruktivnaya transsendental'naya filosofiya i fundamental'naya ontologiya Khaydeggera // Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye». 2007. №2-3. S. 1-23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremya-i-destruktivnaya-transsendental'naya-filosofiya-i-fundamental'naya-ontologiya-khaydeggera-1> (data obrashcheniya: 04.11.2020).
2. Bikmetov Ye. YU., Luk'yanov A. V. Struktura chelovecheskoy ekzistentsii v usloviyakh sovremennoy rossiyevskoy obshchestva: novyye konteksty i kontury sotsial'noy identifikatsii // Manuskript.2017.№1(75).S.48-51 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-chelovecheskoy-ekzistentsii-v-usloviyakh-sovremennoy-rossiyevskoy-obshchestva-novyye-konteksty-i-kontury-sotsialnoy>
3. Baudrillard J Dukh terrorizma. Voyny v zalive ne bylo . –M. : RIPOL klassik, 2016. — 224 s.
4. Baudrillard J Simulyakry i simulyatsiya/Zhan Bodriyar. Per. s frants. Kachalov A. – M.: Postum, 2018. – 240 s.
5. Bresler M.G. Ontologiya setevogo bytiya. - Ufa: UGNTU, 2020. - 124 s.
6. Bresler M.G. Simulyakr revolyutsii 100 let spustya. //Velikiy Oktyabr' – vremya peregovorov. Sbornik nauchnykh dokladov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Oktyabr'skoy revolyutsii i 100-letiyu obrazovaniya BASSR. Salikhov G.G., Belonogov G.Ye., otv. red., Ufa. 2018. S. 23-25.
7. Golos pokoleniya Z. iz serdtsa Yevrazii : kollektivnaya monografiya, /pod. red. A.R. Sul'eymanova. - Ufa: UGNTU. 2020. -180 s.
8. Konfutsiy Suzhdeniya i besedy. Lun' Yuy /Perevodchik: Luk'yanov A. Ye., Abramenko V. P.. Redaktor: Shiryayeva Natal'ya. – M.: Izdatel'stvo: Shans, 2019 g. 423 s.
9. Latur B. Peresborka sotsial'nogo: vvedeniye v aktorno-setevuyu teoriyu/Bruno Latur. Per. s angl. pod nauch. red. C. Gavrilenko. – M.: Izd.dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2014. 384 s.
10. Maklyuen G. M. Galaktika Guttenberga. Stanovleniye cheloveka pechatyushchego. /Maklyuen Gerbert Marshall. Perevodchik: Tyurina Irina Olegovna. – M.: Izdatel'stvo: Akademicheskyy proyekt, 2018 g. -440 c.
11. Mishuchkov A. A. "Traditsionnyye tsennosti v globaliziruyushchemsya mire" Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015.№ 3 (178), S. 65-71.
12. Murzagulov R.R. Tsifrovoye obshchestvo serediny XXI v. Kak novyy etap tsivilizatsionnogo razvitiya. Sotsial'no-filosofskiy analiz. M.:RANKhiGS, 2018. -75 s.
13. Sorokin P.A. Krizis nashego vremeni // Sorokin P.A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo. M.: Politizdat, 1992. S. 427–504.
14. Khantington S. Stolknoveniye tsivilizatsiy / S. Khantington; Per. s angl. T. Velimeyeva. YU. Novikova. — M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. — 603 s.
15. Zirel' S. V. Usloviya vozniknoveniya revolyutsionnykh situatsiy v arabskikh stranakh //Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh= riskov : Arabskaya vesna 2011 g. /Otv. sekretar' A.V. Korotayev. YU.V. Zin'kina, A.S. Khodunov, -M.: Izdatel'stvo LKI, 212. - 414s.
16. 新时代公民道德建设实施纲要//中共中央国务院印发《新时代公民道德建设实施纲要》, 2019.URL: http://www.xinhuanet.com/2019-10/27/c_1125158665.htm

17. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon - MCB University Press, 2001. Vol. 9 No. 5. URL: <https://marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>
18. Vermeulen, T., Van den Akker, R. Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture, 2010 V. 2, 2-14 p. URL: <http://www.emerymartin.net/FE503/Week10/Notes%20on%20Metamodernism.pdf>